

doi: 10.20310/1819-8813-2015-10-10-211-218

СИСТЕМА КОНТРОЛИРУЮЩИХ ОРГАНОВ В УПРАВЛЕНИИ СЕЛЬСКИМ ХОЗЯЙСТВОМ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ В ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ (НА МАТЕРИАЛАХ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

ПОЛХ ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ

ФГАОУ ВПО «Балтийский Федеральный университет имени Иммануила Канта»,
г. Калининград, Российская Федерация, e-mail: p.polkh@mail.ruСтатья выполнена при поддержке Российского Гуманитарного научного фонда.
Проект РГНФ № 15-01-00257 ГРНТИ 11504-24-10054

Статья рассматривает организацию различных форм контроля над сельскохозяйственными производителями в масштабе российской области (Калининградской) в послевоенные годы (1946-1956). Задачей исследования является определение места контрольных учреждений разных уровней в управленческой инфраструктуре сельского хозяйства в советскую эпоху. Калининградская область, образованная на землях бывшей немецкой провинции Восточная Пруссия, несмотря на свою уникальность, может рассматриваться как регион, управление которым строилось в соответствии с общими советскими установками, с минимумом национальной и территориальной специфики. Это дает основание рассматривать область как «модельный регион» для изучения организации управления административной российской территорией. Исследование строится на анализе делопроизводственной документации, находящейся в фондах Государственного архива Калининградской области. Рассматриваются как региональные учреждения, связанные с государственными контролирующими органами, так и те, для которых контрольные функции являлись продолжением решения ими задач по организации сельскохозяйственного производства. Выдвигается и обосновывается предположение, согласно которому контроль, будучи многогранным, разнообразным и межведомственным, все же, не был системным и достаточно эффективным. Причиной этому выступили как разноплановый характер задач, решения которых стремились достичь контролирующие инстанции, так и меняющаяся политическая конъюнктура. Дальнейшие направления работы требуют более широкого взгляда на элементы управленческой инфраструктуры – роль плановых органов, заготовителей, снабженцев, а также учреждений, обеспечивающих собственно инфраструктуру сельского хозяйства (энергетиков, строителей, мелиораторов и др.). Необходимость исследований обусловлена проблемой понимания того, каким образом строилась советская система управления хозяйством и социальными процессами, и насколько она была эффективной.

Ключевые слова: злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп, интересы службы в коммерческих и иных организациях, коррупционные преступления

В современном менеджменте контроль рассматривается как одна из составляющих данное понятие управленческих функций, наряду с планированием, организацией производства и собственно руководством. Советская система управления видела в контроле нечто большее – непросто стремление проследить за рациональным использованием средств или полученной продукции (с этим, как раз-таки, всегда были проблемы), а убедиться, что никто не отлынивает от общей работы или «не тащит из общего котла» больше, чем полагается – именно такие субъекты в централизованной (или мобилизационной) экономике должны были вызывать самое справедливое негодование.

Поэтому система контролируемых объектов и самих контролеров (которые, по идее, должны быть плотью от плоти всего народа) была распределена не в соответствии с организацией собственно производства, хотя контрольные функции все равно были присущи управленцам всех уровней – производственного, советского и партийного.

Контроль над сельскохозяйственным производством в советскую эпоху был еще более специфичен. Во-первых, в силу того, что в сельском хозяйстве производились, прежде всего, продукты питания, и рассуждения о куске, отнятом от общего пирога, можно воспринимать буквально, а народ, переживший за 30 лет советской власти

две страшные войны и три крупных голодовки, поползновения на общий котел рассматривал как абсолютно безнравственные. Во-вторых, размытость и разбросанность контролируемых объектов: государственные сельскохозяйственные производители (совхозы и подсобные хозяйства предприятий), колхозы, личные подсобные хозяйства, а также не до конца оформившаяся инфраструктура переработки и хранения продуктов – охватить все это было невозможно в рамках одного ведомства, и «спрятать концы в воду» было несложно. И, в-третьих, именно в рамках колхозной системы власть пыталась контролировать не только производство и заготовки, но и сам факт участия в общественном труде.

В рамках данной статьи предпринимается попытка охватить субъекты и объекты контроля над сельским хозяйством на региональном уровне в послевоенное десятилетие, когда стремление и возможности контролировать достигли своего апогея. Калининградская область хороша для рассмотрения проблемы в силу того, что на нее переносились отработанные схемы и готовые институты контроля, а население, переселенное сюда после Победы, было подготовлено к осуществлению такого контроля.

Рискнем предположить, что «контрольная инфраструктура» сельского хозяйства воспроизводилась на недавно отвоеванной территории Калининградской области не столько из практической необходимости, сколько из стремления как можно скорее унифицировать систему управленческих органов хотя бы в масштабах РСФСР.

Для начала попытаемся охватить объекты контроля применительно к сельскохозяйственному производству. Логично предположить, что на первое место должны выйти показатели сбора хлеба и овощей, количество и продуктивность скота – собственно налогооблагаемая база, а также ее качество – речь ведь шла о продуктах. В условиях, когда больше отдать государству (неважно, в форме плановых заготовок или сверхплановых закупок по таким же низким ценам) экономически невыгодно, государство сталкивается с проблемой утайки, и тогда приходится контролировать еще и урожайность (продуктивность). Но если и утаивать нечего – нужно отслеживать процесс производства от подготовительных полевых работ до уборки и условия содержания скота, а также условия хранения – как у самих производителей, так и в государственных хранилищах, с учетом того что проблемы создают угрозы как порчи, так и хищений. Контроль над производством – это не только соблюдение технологии, но и факт выхода колхозников на

работу, и качество этой работы. Далее объекты контроля расширяются до размеров, несколько выходящих за рамки собственно сельскохозяйственного производства – условий труда и быта сельских тружеников и организационных усилий руководства колхозов, совхозов и машинно-тракторных станций (МТС) по подъему трудовой мотивации селян.

Возможно ли, исходя из участков контроля, распределить сами контрольные функции по субъектам? – Пожалуй, лишь отчасти. К специализированным организациям (на уровне Калининградской области) можно отнести Группу контроля за расходованием хлебопродуктов при Министерстве государственного контроля (МГК) СССР [1], Группу главного контролера МГК СССР по Калининградскому территориальному управлению [2], Калининградскую областную госсеминаспекцию по качеству семян [3], Инспектуру госкомиссии по сортоиспытанию сельскохозяйственных культур [4], Калининградскую межрайонную комиссию по определению урожайности [5], а также (с определенными допущениями) калининградского представителя по делам колхозов при Совете Министров СССР [6]. Как видно, контролировались процессы обеспечения сохранности продуктов (прежде всего, хлеба), качества семенного материала (на «входе» и на «выходе»), а также организация колхозной жизни с самых высоких позиций.

Сам же производственный контроль был не отделен от непосредственного управления и входил в систему Областного сельскохозяйственного управления (выстраивавшего работу по отраслевому принципу) [7], районных управлений, производственных объединений (трестов совхозов) [8; 9], да и самих колхозов, в которых создавались ревизионные комиссии. Есть все основания причислить к контрольным органам систему уполномоченных Министерства заготовок СССР (уполнминзагов) [10], которые стояли именно над системой отношений между хозяйствами (в том числе и личными) и заготовительными конторами (калининградскими облконторами всесоюзного объединения «Заготзерно» и республиканского «Заготживсырье»).

Наконец, контрольные полномочия никогда не снимали с себя парторганизации всех уровней (областного, районного, производственного), видевшие свои функции в том, чтобы выявлять сложные участки и контролировать на них ситуацию вне зависимости от ведомственного подчинения.

Обратимся к структурам, для которых контроль был основанием для их существования. Структуры МГК были представлены двумя группами, одна из которых при уполномоченном.

«Надведомственный» контроль за хлебопродуктами осуществляла Группа контроля, состоявшая из менее, чем десятка человек: по данным на начало 1948 г. там состояло 6 контролеров, один старший контролер и секретарь-машинистка [11]. Последнее обстоятельство положительно отражается на составе документов в фонде, поскольку состав приказов охватывает и основную деятельность, и текущие, в том числе и кадровые вопросы – рядом с годовым отчетом соседствуют материалы о собственных аттестациях и подготовке кадров, с материалами проверок – замечания на отсутствие у уборщицы трудовой книжки, с приказами по отпускам – руководящие указания по политухе [12]. Вместе с тем, подобная информация позволяет судить о том, каковы были трудовые будни данной группы.

Судя по проверяемым объектам и принятым решениям, можно допустить что предметом внимания было не совсем сельское хозяйство, а его конечные продукты – зерно и мука, точнее, их балансы по разным организациям и перемещения по сложным «логистическим» цепочкам. Так, в отчете за первый год деятельности сообщается о 37 ревизиях, охвативших 48 организаций (в числе которых 13 районных контор «Облзаготзерна», 2 отделения треста «Главмука», районные и областной уполномоченные министерства заготовок (уполнминзаги), совхозы, колхозы, МТС, торговые организации и пивзавод) [11, л. 2]. Как главное оправдание своего существования – 9 дел, направленных в прокуратуру (правда, затем выяснилось, что лишь 5 из них было принято к рассмотрению), и наложение запрета на отпуск 769,7 т хлебопродуктов [11, л. 3]. Безусловно, почти все проверки содержали указания на серьезные недостатки, касающиеся повышенной влажности и хранения зерна в ненадлежащих условиях в приспособленных помещениях. Наверное, по-другому и не могло быть в первые годы обустройства Калининградской области на территории, по которой основательно прошла война. Однако сам характер переписки и отчетов, предоставляемых руководству – министру государственного контроля Л. З. Мехлису и главному контролеру по РСФСР Г.Ф. Ларионову [13] – свидетельствует о том, что наиболее принципиальными вопросами было именно качество контроля и квалификация контролеров. Жалобы на низкую квалификацию соседствуют с готовностью отправить на партийную учебу контролеров и организовать самостоятельное изучение ими марксизма-ленинизма, необходимости добиться освоения методов контрольного дела. Прорабатывалось директивное

письмо Л. З. Мехлиса «О воспитании контролеров за расходованием государственных средств», статья в «Вестнике контролера» (ведомственном журнале) «Главное – партийность, правдивость и независимость», причем протокол о собрании по поводу этой статьи был отослан в Москву телеграммой [11, л. 24]. Ответом на директиву самого Мехлиса было указание на то, что в группе нет аморализма – есть халатность (забывают шкафы закрывать) [11, л. 13]. Можно предположить, что контрольное министерство, возглавляемое прежним чекистом, стремилось создать вокруг контролеров соответствующий ореол уважения и страха, который заставлял бы трепетать всех ответственных за сохранность хлеба.

Документы проверок того времени свидетельствуют, что областные контролеры старались подобному «имиджу» соответствовать: «тщательно замаскированная порча хлеба», «обезличка госрезерва с коммерческими фондами», – такие формулировки содержит протокол проверки «Главмуки» [11, л. 20]. Отметим, справедливости ради, что термин «обезличка», означавший халатное отношение к раздельным приемке и хранению продовольствия (когда выяснить, кем что сдано и куда следует использовать – на семена, на сдачу государству или выдачу на трудодни) использовался широко всеми проверяющими – от обкома до колхозных ревизионных комиссий. Вместе с тем, группе во главе со старшим контролером А. С. Стрекалёвым, приходилось решать и по-настоящему насущные вопросы. Постановление Совета Министров СССР в январе 1949 г., определявшее необходимость переселения очередной группы из 3500 семей колхозников, предполагало выдачу ссуды в 4 тыс. т зерна под яровой сев. Контролеры запрашивали Москву, следует ли включать сюда, колхозы, образованные в конце 1948 г., для которых этот сев должен был стать первым – ведь по смыслу постановления ссуда им не полагалась [12, л. 9]. Пусть вопрос касался заполнения отчетной формы в этой связи, но он реально был поднят.

Документы группы за 1949-1953 гг. показывают, что с качеством проверок дела действительно налаживались. Здесь и «летучие» проверки совхозов и колхозов на предмет как наличия задокументированного зерна, так и права продажи ими зерна своего производства на пивзаводы, выявление замены зерна высшего сорта низшим, ржаной муки – обойной, докладные о заражении зерна вредителями [14]. Это и проводимые по указаниям «сверху» проверки о выделении хлебопродуктов на празднование годовщины Октябрьской революции, проверки аналитических

бухгалтерских отчетов потребкооперации. Здесь и совершенно не логичная проверка базы Главмясомолсбыта на предмет сохранности молока и масла (опять же, инициированная из Москвы) [12, л. 21-23]. Очевидно, Мингосконтролю было выгодно использовать своих людей там, где ведомственность не давала возможности выявить реальную картину. Естественно, что такие независимые проверки давали результат: в 1951 г. были осуждены директор, главный инженер и начальник ОТК Калининградского мелькомбината [13, л. 25]. В 1950 г. А. С. Стрекалёв писал объяснительную главному контролеру Ларионову о том, что 296 ц зерна, ошибочно посчитанные как перерасходованные директором Черняховского хлебозавода, на самом деле были незаконно израсходованы – здесь контролеры не досмотрели, но директора все же посадили на три года [13, л. 28]. Собственно, и сам небольшой коллектив группы контроля периодически устраивал проработки и внутри своего коллектива: «наспех составлен акт на зерно зараженное плесенью» – на 4,5 ц при реальной зараженности 1316 ц.; соседство на одной отчетной странице указания на засоренное стеклом зерно и на неграмотный, с точки зрения стилистики и фразеологии, акт [14, л. 7]. В одном документе ставится требование добиться снижения показателя влажности и засоренности зерна при отгрузке зерна и завышения – при приеме (когда речь шла о поставляемом в область зерне) [12, л. 24].

Показательной можно считать и степень изучения проблемы при проверках непосредственных производителей зерна. Такой проверке в 1950 г. подвергся совхоз № 133 в Железнодорожном районе. В материалах присутствуют указания на площадь посева зерновых (1032 га), предполагаемый урожай (совхоз должен получить 150 т), количество комбайнов, жаток и сноповязалок, отсутствие зерносушки и выполнение плана прополки на 53 % [15]. Казалось бы, объектом контроля должны быть запасы зерна, а не условия его производства, но директор писал объяснительную Министру Госконтроля и про строительство сушилки, и про готовность техники, и про проблемы с прополкой. Все это еще раз подтверждает тезис о том, что государственные контролеры, не имея возможности проверить все, тем не менее, стремились реализовать свое право подвергать ревизиям абсолютно любые объекты, имевшие хотя бы косвенное отношение к расходованию и хранению хлеба, с тем, чтобы заставить руководителей всех уровней быть в постоянной готовности к ответственности.

Наряду с Группой, осуществлявшей надзор за хлебными запасами, в области работала Группа

главного контролера МГК по контролю за сохранностью государственных продовольственных и материальных резервов (руководитель – А. Панов). Содержание широкого понятия «государственные резервы» раскрывается в протоколах их совещаний, например, за 1950 г.: протокол № 1 – расходование угля на ЦБК-1 (Целлюлозно-бумажном комбинате); протокол № 2 – вопрос о сохранности консервов, № 3 – расходование угля на ЦБК-2; № 4 – вопросы секретного делопроизводства; № 5 – проверка элеватора «почтовый ящик 231», и далее – вопросы сохранности государственной тайны, недопустимость исправления дат, присвоение званий, исправление недостатков при воспитании кадров и т. п. [16] Проверка элеватора выявила перевесы зерна при проведении лабораторных анализов, неправильную наклейку штабных ярлыков – словом, проблемы значительно более далекие от заражения зерна долгоносиком, выявляемые предыдущей группой. Это неудивительно, поскольку, несмотря на общую ведомственную подчиненность – МГК СССР – данное управление, руководившееся еще одним прежним чекистом (и министром госконтроля с конца 1950 г.) – В. Н. Меркуловым [17, л. 6], ведало стратегическими запасами на случай новой войны. Организация «закромов Родины» в Калининградском территориальном управлении также требовала особых усилий (например, оставления мяса и масла на ответственном хранении в гражданских трестах) и, казалось бы, не имела прямого отношения к контролю над сельским хозяйством, – ведь на стратегическое хранение принимались продукты уже не у колхозов и совхозов. Однако контроль над неприкосновенными запасами горючего в МТС [18] лишний раз свидетельствует, что высокопоставленные контролеры присутствовали и непосредственно на селе и при случае реализовывали свои ревизорские полномочия и там.

Если обратиться к контролерам уровнем по ниже – без шефов из НКВД-МГБ, следует обратить внимание на ряд инспекций, занимавшихся все тем же хлебом – по определению урожайности, семенную и по сортоиспытанию (инспектура государственной комиссии). Специфика деятельности каждой из них такова, что контрольные функции сопрягаются с тем, что иногда принято называть «методической помощью». Подобрать наиболее подходящие для местных условий сорта семян (а ими, как показывала практика, оказывались все же немецкие сорта пшеницы, ячменя и овса) – дело благое, так же как и заменить наличное у колхозов зерно на семенное – для посевов лучшего качества [19]. Однако всегда есть опас-

ность, что сортовое зерно до колхозного поля не дойдет, или дойдет в ненадлежащем качестве: засорится при хранении, или будет опять заменено на несортное с целью перепродажи [20], посева на личном участке, наконец, будет использовано в пищу. То есть, необходимо контролировать если не сам процесс посева, то хотя бы документацию о факте отпуска семян. Опять же, принципиален и контроль на выходе: причины низкой урожайности могут быть как объективными, так и субъективными. Рисовать картину черной краской, как итальянский историк Дж. Боффа, когда определяется «биологическая урожайность» (т. е. сбор хлебов на лучшем квадратном метре поля, умноженный на площадь посева) [21], за необеспечение которой спрашивают по полной, не стоит. Однако инспекция все же существовала для того, чтобы разницу между тем, что могли бы собрать и собрали на самом деле, зафиксировать. Примечательно, что в архивных документах Группа контроля и инспекции не пересекаются, хотя, казалось бы, объекты контроля весьма близки. Сами руководители колхозов и совхозов пересекались с главами инспекций на различных совещаниях в Областном управлении сельского хозяйства [22], причем, если инспекторы критиковали председателей и директоров, то последние больших претензий не имели и сильно не оправдывались.

Вместе с тем, нельзя не обратить внимание, что вопросы сортовых и семенных посевов, урожайности и сохранности – это тема, которая неизменно присутствует в документации руководителей сельского хозяйства всех уровней – трестов совхозов [9, л. 9], районных сельхозуправлений, которые руководили, прежде всего, колхозами, областного управления и партийных комитетов. В документах последних требования обеспечить посевы сортовыми семенами и отчитаться о соответствующих процентах звучали постоянно, да и во всех производственных отчетах (начиная с первичного, колхозного), такие позиции имелись [23]. Собственно, по-другому и быть не могло: руководство сельским хозяйством предполагает учет именно этих данных, наряду с показателями по животноводству: надоями молока, сдачей мяса в живом весе, настригом шерсти, а также заготовкой кормов (и вообще развитием кормовой базы – обустройством лугов и пастбищ), организацией зимовки скота со строительством и обслуживанием соответствующей инфраструктуры. Если в послевоенное десятилетие не существовало специальных инспекций, то это объясняется, во-первых, отсутствием материальной базы, и, во-вторых, тем, что для контроля над с зимним содержанием скота и надоями достаточно любого

управленца с полномочиями – специальные знания как в случае с сортами семян не столь необходимы. Контроль над сельским хозяйством осуществляли и заготовительные органы, и опять же, это контроль особого рода, если речь идет об уполнмнзагах. Конторы типа «Заготживсырь» сами оказывались в положении контролируемых, поскольку брали на себя ответственность за сохранность продуктов [24], а также за выполнение планов заготовок – свои снабженцы могли быть у самых разных ведомств (от треста ресторанов до санаториев), да и соседство с Литовской ССР добавляло активности тамошних контрактовщиков [25]. Однако уполнмнзаги (также контролируемые структурами МГК СССР) вручали обязательства на сдачу молока, мяса, зерна, овощей непосредственно колхозам и колхозникам, а если сталкивались с ситуацией, когда заготавливать нечего, вынуждены были вникать в вопросы и сохранности, и производства.

Впечатление, что сельские постоянно имели дело с контролерами и их организациями, обманчиво. Напротив, на совещаниях передовиков постоянно звучали заявления о том, что руководители в хозяйствах бывают редко – и, в силу этого, не понимают всей сложности обстановки с организацией и полеводства, и животноводства. Определенный расчет в этих заявлениях был: если не снизят планы поставок и заготовок, то хотя бы обратят внимание на бытовые трудности, или разберутся с самодеятельностью председателя и правления. Отчасти, последние функции на себя должен был взять аппарат уполномоченного по делам колхозов при Совете министров СССР (все годы существования, 1946-1953 гг., эту должность на союзном уровне занимал А. А. Андреев). Если и считать областных уполномоченных (в Калининградской области им был П. Н. Матяшин [6, л. 6]) «омбудсменами», то отстаивали они права не сколько колхозников, сколько самих колхозов. С одной стороны, заметно стремление дать ход жалобам на несправедливое исключение из колхоза (а это влекло за собой лишение права на личное подсобное хозяйство), на «бездушное отношение», на несправедливое обложение сельхозналогом [26], на недоплаты по трудодням и их неправильное начисление, – то здесь прослеживается, по крайней мере, стремление вникнуть в людские проблемы. С другой стороны – выявление того же «разбазаривания трудодней» (т. е. их проставления своему ближнему кругу или за непонятную работу), отпуск продуктов по заниженным ценам или бесплатно [27], критика примиренческого отношения к невыходам на работу [28] – все это превращало уполномоченных в дополнительных

контролеров. При этом все критикуемые недостатки сводились к нарушению демократических основ колхозного строя, закреплённого в колхозном уставе. Получалось, что помощь колхозам заключалась в том, чтобы выстроить систему нетерпимости со стороны колхозников к тем, кто недобросовестно работает, и этих последних выставить виновными за все недостатки. Собственно, этой цели служили и созданные в колхозах ревизионные комиссии, которые, помимо учета трудодней должны были отслеживать целостность и законное расходование собственно колхозных фондов денег и продуктов. Летом 1952 г. было даже проведено областное совещание колхозных ревизоров [29], где главным мотивом выступало именно требование законности и порядочности председателей и правлений в использовании колхозных денег и продуктов.

Сложная система контролирующих органов, сложившаяся в последние сталинские годы, ненадолго пережила «отца народов». В год его смерти прекратил существование Совет по делам колхозов. Реорганизация МГК СССР в 1954 г. привела к закрытию Групп контроля, которые в совершенно новом качестве возродились лишь в 1963 г. В 1954 г. закончила действовать комиссия по определению урожайности, в 1956 г. уполноминзаги перестали быть особым институтом, заготовительная деятельность влилась в общее управление сельским хозяйством. Партийное руководство и система управления аграрным производством, завязанная на Областной исполком Совета, сохранились. Оценивая всю систему контроля над сельским хозяйством, следует заметить, что она была достаточно жесткой, но в то же время не всеохватной. Обилие институтов объяснялось стремлением закрыть вновь выявленный «тонкий участок», не всегда с учетом местной специфики. Контроль на областном уровне оказывался систематическим, но не системным – при такой широте полномочий и контролируемых вопросов объективные трудности и безалаберность руководителей и исполнителей почти не разделялись, хоть и не всегда сводились к злему умыслу. В организации контроля всегда присутствовал элемент чрезвычайщины, что объяснялось не только сложностью внешней и внутренней обстановки, но и убежденностью в том, что удастся воспитать нового человека, над которым постоянный контроль будет не нужен.

Литература

1. Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. Р-234. Калининградская областная

группа контролеров Министерства государственного контроля СССР по предприятиям и организациям Министерства заготовок СССР. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.

2. ГАКО. Ф. Р-239 Группа главного контролера СССР по Калининградскому территориальному управлению. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.

3. ГАКО. Ф. Р-990. Калининградская государственная областная семенная инспекция. Оп. 1. Д. 4.

4. ГАКО. Ф. Р-60. Инспектура Государственной комиссии по сортоиспытанию сельскохозяйственных культур по Калининградской области. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

5. ГАКО. Ф. Р-191. Калининградская государственная инспекция по определению урожайности. Оп. 3. Д. 1. Л. 2-3.

6. ГАКО. Ф. Р-12. Представитель Совета по делам колхозов при Правительстве СССР по Калининградской области. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

7. ГАКО. Ф. Р-139. Областное управление сельского хозяйства. Оп. 9. Л. 15-17.

8. ГАКО. Ф. Р-182. Калининградский трест молочных совхозов. Оп. 5. Д. 1.

9. ГАКО. Ф. Р-390. Калининградский областной трест совхозов. Оп. 3. Д. 1.

10. ГАКО. Ф. Р-384. Управление уполномоченного Министерства заготовок СССР по Калининградской области. Оп. 1. Д. 5. Л. 8.

11. ГАКО. Ф. Р-234. Оп. 1. Д. 92. Л. 4.

12. ГАКО. Ф. Р-234. Оп. 1. Д. 156. Л. 4.

13. ГАКО. Ф. Р-234. Оп. 2. Д. 3. Л. 49.

14. ГАКО. Ф. Р-234. Оп. 2. Д. 50. Л. 3.

15. ГАКО. Ф. Р-234. Оп. 1. Д. 205. Л. 2-3.

16. ГАКО. Ф. Р-239. Оп. 1. Д. 23. Л. 4-10.

17. ГАКО. Ф. Р-239. Оп. 1. Д. 44. Л. 6.

18. ГАКО. Ф. Р-239. Оп. 1. Д. 132. Л. 23.

19. ГАКО. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 51. Л. 12.

20. История сельского хозяйства Калининградской области (1945-2006). / отв. ред. В. Н. Маслов. Калининград, 2006. С. 132.

21. Боффа Дж. История Советского Союза. М., 1990. Т. 2. С. 312-313.

22. ГАКО. Ф. Р-139. Оп. 9. Д. 157. Л. 23.

23. ГАКО. Ф. Р-139. Оп. 9. Д. 174. Л. 13.

24. ГАКО. Ф. Р-384. Оп. 3. Д. 3. Л. 11-15.

25. ГАКО. Ф. Р-384. Оп. 5. Д. 41. Л. 29.

26. ГАКО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 2. Л. 4-8.

27. ГАКО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 14. Л. 3-7.

28. Костяшов Ю. В. Повседневность послевоенной деревни: из истории переселенческих колхозов Калининградской области 1946-1953 гг. М., 2015. С. 132.

29. ГАКО. Ф. Р-139. Оп. 9. Д. 267. Л. 13, 24, 31.

References

1. Gosudarstvennyj arkhiv Kaliningradskoj oblasti (GAKO). F. R-234. Kaliningradskaya oblastnaya gruppa kontrolerov Ministerstva gosudarstvennogo kontrolya SSSR po predpriyatijam i organizatsijam Ministerstva zagotovok SSSR [State Archive of the Kaliningrad Region (SAKR). T. R-234. Kaliningrad regional group of

controllers of the Ministry of the state control of the USSR on the enterprises and organizations of the Ministry of preparations of the USSR]. Op. 1. D. 4. L. 3.

2. GAKO. F. R-239 Grupa glavnogo kontrolera SSSR po Kaliningradskomu territorial'nomu upravleniyu [SAKR. F. R-239 Group of the chief controller of the USSR on the Kaliningrad territorial administration]. Op. 1. D. 5. L. 2.

3. GAKO. F. R-990. Kaliningradskaya gosudarstvennaya oblastnaya semennaya inspektsiya [SAKR. F. R-990. Kaliningrad state regional seed inspection]. Op.1. D. 4.

4. GAKO. F. R-60. Inspektura Gosudarstvennoj komissii po sortoispytaniyu sel'skokhozyajstvennykh kul'tur po Kaliningradskoj oblasti [SAKR. F. R-60. The inspectorate of the State commission on a strain testing of crops across the Kaliningrad region]. Op. 1. D. 5. L. 1.

5. GAKO. F. R-191. Kaliningradskaya gosudarstvennaya inspektsiya po opredeleniyu urozhajnosti [SAKR. F. R-191. Kaliningrad state inspectorate for determination of productivity]. Op. 3. D. 1. L. 2-3.

6. GAKO. F. R-12. Predstavitel' Soveta po delam kolkhozov pri Pravitel'stve SSSR po Kaliningradskoj oblasti [SAKR. F. R-12. The representative of Council for collective farms at the Government of the USSR across the Kaliningrad region]. Op.1. D. 1. L. 3.

7. GAKO. F. R-139. Oblastnoye upravleniye sel'skogo khozyajstva [SAKR. F. R-139. Regional Department of Agriculture]. Op. 9. L. 15-17.

8. GAKO. F. R-182. Kaliningradskij trest molochnykh sovkhozov [SAKR. F. R-182. Kaliningrad trust of dairy state farms]. Op. 5. D. 1.

9. GAKO. F. R-390. Kaliningradskij oblastnoj trest sovkhozov [SAKR. F. R-390. Kaliningrad regional trust of state farms]. Op. 3. D. 1.

10. GAKO. F. R-384. Upravleniye upolnomochennogo Ministerstva zagotovok SSSR po Kaliningradskoj oblasti [SAKR. F. R-384. Management of the authorized Ministry of preparations of the USSR of the Kaliningrad region]. Op. 1. D. 5. L. 8.

11. GAKO [SAKR]. F. R-234. Op. 1. D. 92. L. 4.

12. GAKO [SAKR]. F. R-234. Op. 1. D. 156. L. 4.

13. GAKO [SAKR]. F. R-234. Op. 2. D. 3. L. 49.

14. GAKO [SAKR]. F. R-234. Op. 2. D. 50. L. 3.

15. GAKO [SAKR]. F. R-234. Op. 1. D. 205. L. 2-3.

16. GAKO [SAKR]. F. R-239. Op. 1. D. 23. L. 4-10.

17. GAKO [SAKR]. F. R-239. Op. 1. D. 44. L. 6.

18. GAKO [SAKR]. F. R-239. Op. 1. D. 132. L. 23.

19. GAKO [SAKR]. F. R-60. Op. 1. D. 51. L. 12.

20. Istoriya sel'skogo khozyajstva Kaliningradskoj oblasti (1945-2006) [History of agriculture of the Kaliningrad region (1945-2006)] / otv. red. V. N. Maslov. Kaliningrad, 2006. S. 132.

21. Boffa Dzh. Istoriya Sovetskogo Soyuza [History of the Soviet Union]. M., 1990 T. 2. S. 312-313.

22. GAKO [SAKR]. F. R-139. Op. 9. D. 157. L. 23.

23. GAKO [SAKR]. F. R-139. Op. 9. D. 174. L. 13.

24. GAKO [SAKR]. F. R-384. Op. 3. D. 3. L. 11-15.

25. GAKO [SAKR]. F. R-384. Op. 5. D. 41. L. 29.

26. GAKO [SAKR]. F. R-12. Op. 1. D. 2. L. 4-8.

27. GAKO [SAKR]. F. R-12. Op. 1. D. 14. L. 3-7.

28. Kostyashov Yu. V. Povsednevnost' poslevoyennoj derevni: iz istorii pereselencheskikh kolkhozov Kaliningradskoj oblasti 1946-1953 gg. [Daily occurrence of the post-war village: from history of resettlement collective farms of the Kaliningrad region 1946-1953] M., 2015. S. 132.

29. GAKO [SAKR]. F. R-139. Op. 9. D. 267. L. 13, 24, 31.

* * *

SYSTEM OF SUPERVISORY AUTHORITIES IN MANAGEMENT OF AGRICULTURE AT THE REGIONAL LEVEL IN POST-WAR DECADE (ON MATERIALS OF THE KALININGRAD REGION)

POLKH PAVEL PETROVICH

Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, the Russian Federation, e-mail: p.polkh@mail.ru

Article is executed with assistance of the Russian Humanitarian scientific fund.
RHSF project № 15-01-00257 State Rubricator of Scientific and Technical Information 11504-24-10054

Article considers the organization of various forms of control over agricultural producers on the scale of the Russian area (Kaliningrad) in post-war years (1946-1956). A research problem is a definition of a place of control establishments of different levels in administrative infrastructure of agriculture during the Soviet era. The Kaliningrad region formed on lands of the former German province East Prussia despite the uniqueness can be as the region, management based according to the general Soviet installations, with a minimum of national and territorial specifics. It gives the grounds to consider area as «the model region» for studying of the organization of management of the administrative Russian territory. Research bases on the analysis of the office work documentation which is in funds of the State archive of the Kaliningrad region. The author considered as the regional institutions connected with the government supervisory authorities, as that for what control functions were continuation of the decision by them tasks of the organization of agricultural production. The author made and located assumption according to which control, being many-sided, various and

interdepartmental, nevertheless, wasn't system and rather effective. The reasons for that is as versatile character of tasks which decisions sought to reach the controlling instances, as the changing political environment. The further areas of work demand broader view on elements of administrative infrastructure – a role of planned bodies, collectors, suppliers, and also the establishments providing actually infrastructure of agriculture (energy drinks, builders, reclamation experts, etc.). Need of researches is in that a problem of understanding of how the Soviet control system of economy and social processes and as far as it was effective was under construction.

Key words: abuse of authority, commercial bribery, interests of service in commercial and other organizations, corruption crimes